

УДК 316.334.55(476)

Т.В. Кузьменко

канд. социол. наук, зав. сектором социологии деревни
Института социологии НАН Беларуси
e-mail: kuzmenkot1@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ИСТОЧНИК СОЛИДАРНОСТИ В СЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Повседневные практики взаимодействия рассматриваются как мощный социальный ресурс для решения жизненных проблем и первичная предпосылка формирования социальной солидарности в сельском сообществе. Анализируется специфика идентификационных предпочтений, включенности в сети взаимной поддержки, доверия и взаимопомощи основных групп сельского сообщества, отличающихся по объему располагаемых ресурсов и характеру включенности в общественное производство (руководители и специалисты сельхозпредприятий, предприниматели и фермеры, рабочие сельскохозяйственных предприятий, сельская интеллигенция, безработные, пенсионеры). Выявлено, что наиболее развитой сетью поддержки и взаимопомощи обладают представители высокоресурсных групп, а недостаточность человеческого капитала в любых его формах выступает барьером для включения в социальные сети. Установлена связь между степенью включенности в социальные сети и показателем социального самочувствия.

Современный этап развития общества характеризуется непрерывным усложнением социальной структуры. Автоматизация и роботизация производства обуславливают сокращение рабочих мест на предприятиях и развитие общества без массового труда, в котором возрастает сегмент социально исключенных, «лишних» людей, не вовлеченных в экономические процессы и утрачивающих способность зарабатывать себе на жизнь. Из них сегодня формируются такие группы, как прекариат, субсидируемые безработные [1]. Трансформируется и нивелируется роль традиционных классов – рабочих и крестьян. Развитие новых технологий обусловило подъем креативного класса и управленцев, а Интернет позволяет получать большие деньги очень небольшому числу людей. Возрастание роли сетевых структур и сетевого управления дает возможность отдельным группам «несимметрично» влиять на глобальные процессы, даже обладая минимальными ресурсами. Меняются основания и формы неравенства, а усиление экономического расслоения еще больше подчеркивается с распространением средств массовой информации и социальных сетей, поскольку жизнь самых богатых людей мира протекает у всех на виду. В такой ситуации особую актуальность приобретает проблема согласования и наиболее оптимального сочетания интересов и ценностей всех участников общественных отношений (индивидуальных, групповых, коллективных), укрепления социальной сплоченности и солидарности как оснований социального порядка. Коллективные связи выступают необходимым условием социальной интеграции даже в самых развитых обществах. В этом отношении исследовательский поиск представителей общественных наук, и социологии в частности, предполагает ответы на вопросы о том, насколько солидаризировано современное общество, на каких уровнях социальных общностей проявляется солидарность и каковы предпосылки для ее формирования.

Понятие социальной солидарности анализируется во всем многообразии его проявлений на разных уровнях социальной реальности. В самом общем плане социальная солидарность подразумевает общность, единство людей, осознанную принадлежность к определенному социальному образованию или группе. Основоположник теории социальной солидарности Э. Дюркгейм, рассматривая солидарность как условие общественного порядка, в качестве ее источников полагал схожесть сознаний (механическая солидарность) либо разделение труда и функциональную взаимозависимость (органиче-

ская солидарность). В марксизме понятие солидарности определяется в рамках конфликтного подхода – через социально-экономическое обоснование (противостояние и борьба буржуазии и рабочего класса, освобождение которого от эксплуатации возможно только с ликвидацией капиталистического способа производства) и становление субъектности, предполагающей осознание классовых интересов, самоидентификацию и наличие классового сознания. В таком приближении солидарность выступает индикатором субъектности группы, выявляющим степень ее сплоченности и решимости к выражению своих потребностей и защите своих интересов. Сущностная особенность солидарности заключается в объединении индивидов, базирующемся на общности их идей, ценностей, направленном на достижение общих целей, что выражается в интеграционной, мобилизационной и структурообразующей функциях [2, с. 147–148]. Выступая в качестве механизма социальной саморегуляции, социальная солидарность предполагает достижение равновесия между интересами каждого из субъектов и интересами общности.

Проявления солидарности можно рассматривать на макро- и микроуровнях. И в этом плане необходимо обратить внимание на размежевание терминов «социальная солидарность», носителем которой является общество или некая большая социальная общность, и «групповая солидарность», носителем которой выступают социальные группы. Макросоциальный уровень солидарности находит себя в различных сферах жизнедеятельности общества. Ее политическим проявлением является развитое общественное самоуправление и контроль за действиями власти. В этом аспекте солидарность находит свое выражение в идентификации, общности с большими социальными группами. В экономической сфере солидарность проявляется в развитости общественных форм собственности, степени участия государства в решении общественных задач вообще и величине государственных расходов в ВВП в частности [3]. В культурной сфере основой солидарности выступают разделяемая большинством идентичность и общие ценности. В социальной сфере это, прежде всего, социальная справедливость и сплоченность общества.

На микроуровне солидарность представляет собой взаимодействие индивидов, основывающееся на общих ценностях и представлениях об окружающем мире, общих интересах, сложившихся структурах поддержки солидарности, ради реализации совместно разделяемых целей [3]. В таком приближении солидарность рассматривается в двух аспектах: первый связан с самоидентификацией индивида с определенной социальной общностью, включает в себя сходство ценностей, приоритетов, общие взгляды и убеждения и предполагает определение идентификационных предпочтений (группы общности, степень общности) и выявление консолидирующих факторов для социальных групп. Второй объединяет устойчивые социальные практики взаимодействия внутри сообщества – социальные связи и взаимодействия между индивидами в рамках социальных групп и общества в целом: включенность в сети социальных связей, интенсивность и качество социальных отношений, активность и т.п.

Будучи вписанными в социальный контекст, текущие ежедневные взаимодействия человека в каждодневном окружении являются воплощением всех проблем и противоречий, существующих в обществе. Кроме того, формирование социальных сетей на уровне ближайшего социального окружения является исходной предпосылкой для институционализации коллективных стремлений и действий на уровне макросоциальном. Наличие налаженных социальных связей, взаимодействие с другими людьми и социальными группами позволяет человеку ощущать себя участником социальных взаимодействий, осознавать свою принадлежность к определенным группам, создавая основу для социальной интеграции в обществе. Сети социальных связей, доверие, участие в общих делах и взаимная поддержка позволяют эффективнее взаимодействовать для достижения общих целей, выступая в качестве ресурсов как для лиц, участвующих во взаи-

модействии, так и для общества в целом. Таким образом, ответ на вопрос о существовании предпосылок для формирования солидарности в современном обществе лежит в поле рассмотрения повседневных практик взаимодействия людей.

Особую значимость существование различных форм интеграции в ходе повседневных взаимодействий приобретает в сельских сообществах. Это обусловлено спецификой села, которая проявляется в большей персонификации отношений, в отсутствии анонимности и, следовательно, в неформальном контроле и взаимозависимости людей друг от друга. Жизнь в сельской местности – это жизнь в относительно замкнутом пространстве, на виду у знакомых, родственников, соседей, односельчан. Сельское сообщество можно определить как пространство соседства, в котором все друг друга знают. Автономность и самобытность крестьянского образа жизни проявляется в том, что, несмотря на смену социального времени, в нем сохранились такие качества, как крепкие семейные связи, трудолюбие, патриотизм, верность традициям, консерватизм, привязанность к устоям жизни и аграрному труду, органичное сочетание индивидуального и коллективного начал. Индивидуальность жизнедеятельности в крестьянском сознании специфическим образом дополняется коллективизмом общины, повседневной взаимопомощью, коллективными формами проведения досуга и нормами общения. Ограниченность жизненного пространства, а также коллективный характер труда на земле обуславливают этику совместного проживания и преодоления трудностей: семейные, родственные, соседские связи и отношения помогали выживать в трудные времена.

Не пытаясь идеализировать и переносить в современность крестьянскую трудовую и бытовую деятельность и принципы хозяйственного устройства вековой давности, можно, однако, утверждать, что сельские жители и сегодня гораздо больше зависят от социальных связей, чем горожане. Несмотря на совершенствование социальной инфраструктуры, строительство агрогородков, сближение сельского и городского образа жизни, модернизацию сельскохозяйственной техники и частичную замену ручного труда машинным, многие черты, определяющие своеобразие сельской жизни и значимость взаимопомощи и взаимоподдержки как дополнительного ресурса собственного жизнеобеспечения, не теряют своего влияния. Среди таких особенностей – относительная территориальная, инфраструктурная и информационная удаленность села и несколько худшие социальные условия труда и отдыха по сравнению с городом. Специфическими чертами обладает и сельскохозяйственное производство. При всей его высокотехнологичности сохраняется природообусловленность и сезонность большинства сельскохозяйственных работ, периодически приводящие к «сверхнапряжению» как на предприятиях, так и в личных подсобных и крестьянских хозяйствах. Непосредственная зависимость от природных условий, незначительность ресурсов, работа в зоне рискованного земледелия и по сей день ставят труженика села в ситуацию негарантированного бытия. Существенные особенности сельского хозяйства проявляются в невозможности узкой специализации и совмещении целого ряда трудовых функций вследствие многообразия видов работ и сжатых сроков их выполнения, а также в совмещении функций собственника и работника, руководителя и исполнителя в современных личных подсобных и крестьянских хозяйствах. Все это определяет особую значимость неформальных институтов поддержки – семейной и соседской взаимопомощи. К родным, друзьям и односельчанам обращаются за помощью в ремонтных и строительных работах, в обработке земельного участка или сада, по поводу обмена техникой и сельхозинвентарем, семенами или рассадой, покупки продуктов или других товаров при поездке в город, за денежной помощью займы до зарплаты или пенсии.

Включенность в сельское сообщество, установление и поддержание прочных и долгосрочных взаимодействий позволяет аккумулировать дополнительные ресурсы социальных сетей. Устойчивые, взаимопользные контакты, оказываемые на неформаль-

ной основе, выполняют роль стабилизирующего фактора экономической и социальной жизни сельской семьи и одного из важнейших ресурсов жизнеспособности и интеграции сельского социума. С этими особенностями во многом связаны черты, которыми большинство современных жителей Беларуси наделяют сельское сообщество. По результатам республиканского социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 г. под руководством доктора философских наук Р.А. Смирновой (опрошено 1 458 человек: 955 жителей села и 503 – горожанина), село характеризуют: «более тесная связь с природой, животным и растительным миром» (так считают 89,4% опрошенных), «более теплые взаимоотношения с соседями и жителями своего населенного пункта» (71,8%), «люди добрее, отзывчивее» (59,2%), «традиционный образ жизни» (51,4%). В то же время город отличается разобщенностью между людьми (так охарактеризовали город 58,4% опрошенных; село – только 6,6%).

Основополагающим ресурсом и условием солидарности выступает осознание своей принадлежности к группе. Идентичность сама по себе не является гарантией формирования солидарности, однако вне самоопределения индивидов в социальных связях солидарность не может возникнуть. Общесоциологические основания становления социальной идентичности заключаются в различиях, складывающихся в результате общественного разделения труда, формирования статусов и ролей, неравномерности доступа к ресурсам и борьбы за них и формировании общности вследствие сходства условий жизнедеятельности, потребностей и интересов [4].

Анализ идентификационных предпочтений зафиксировал доминирование общности на уровне ближайшего окружения, первичных социальных групп (семья, друзья) над вторичными группами, абстрактными и символическими сообществами, опосредованными не личным опытом общения, а массовой и межгрупповой коммуникацией (люди того же материального достатка, люди той же национальности, граждане Союзного государства и др.). Так, при ответе на вопрос «С кем Вы испытываете чувство общности?» преобладают ответы «со своей семьей» (79,2%) и «с друзьями» (63,9%), менее значимыми группами общности являются товарищи по работе, учебе (37%) и «люди своего поколения» (37%).

Для сельчан в значительно большей степени, чем для горожан, характерна общность с жителями своего населенного пункта (27,7% и 8,1% соответственно). Это говорит о том, что сельские местные сообщества в отличие от урбанизированных территорий можно рассматривать как общность людей, осознающих свою связь друг с другом и с данной территорией, как социальное пространство, где сохраняется местная самобытность и создаются предпосылки для консолидации.

Вместе с тем при изучении условий для возникновения солидарности необходимо понимать, что сельчане сегодня не представляют собой некоего однородного слоя. С развитием рыночных отношений, появлением новых форм собственности и заимствованием норм и образцов городского и западного образа жизни происходит переход от унификации к разнообразию сельской жизни. И наибольшей дифференцирующей силой в этом отношении, по нашему мнению, обладают социально-статусные и профессионально-статусные характеристики как отражение типичных форм деятельности в сфере труда и самоидентификации индивидов. В этой связи изучение особенностей повседневных практик взаимодействия как предпосылок для возникновения солидарности осуществлялось в нескольких группах, отличающихся по объему располагаемых ресурсов и характеру включенности в общественное производство: 1) руководители и специалисты сельхозпредприятий; 2) предприниматели и фермеры; 3) рабочие сельскохозяйственных предприятий; 4) сельская интеллигенция (учителя, врачи, служащие с высшим образованием); 5) безработные; 6) пенсионеры.

Проведенный анализ выявил отличия в профилях идентификационных предпочтений выделенных групп. Так, значимость территориальной общности оказалась выше в низкостатусных группах – безработных (43,3%) и пенсионеров (39,6%), чем в наиболее высокоресурсных группах сельского сообщества – руководителей и специалистов сельхозпредприятий (23,3%), предпринимателей и фермеров (31,3%) и интеллигенции (19,7%). Указанная особенность отчасти объясняется тесной корреляцией ряда социальных позиций (пенсионеры) с возрастом и увеличением значимости территориальной идентификации по мере взросления и привыкания к своему дому, к родным местам, «обрастания» социальным капиталом в виде друзей, знакомых, соседей. Так, данные фиксируют, что с возрастом увеличивается значимость таких групп общности, как «жители моего населенного пункта» (среди молодежи до 30 лет – 18,7%, старше 50 лет – 32,1%) и «люди моего поколения» (29,9% среди молодежи и 54,7% – среди людей старше 50 лет). Специфика идентификационных предпочтений руководителей и специалистов проявляется в важности наряду с группами ближайшего окружения («семья» – 82,6% и «друзья» – 58,1%), территориальных (23,3%) и поколенческих (36%) общностей, идентификации по социальным и социально-профессиональным критериям: «товарищи по работе» (50%), «люди того же материального достатка» (22,1%). У представителей интеллигенции наряду с корпоративной (48,6%), поколенческой (35,3%) и профессиональной (27,5%) идентификацией более выражена общность с людьми, разделяющими взгляды на жизнь или верования (15,1%), и менее – общность с людьми того же материального достатка (11,9%). Для предпринимателей и фермеров наиболее значимой оказалась общность «друзья» (81,3%), «отвечающая» за социальные связи и контакты. Рабочие в большей степени склонны испытывать общность по социально-профессиональным признакам: с людьми той же профессии (26,8%) и с крестьянами (21,7%).

Существенные различия в идентификационных предпочтениях прослеживаются и в зависимости от намерения связать свои жизненные перспективы с селом. Respondенты, которые хотят остаться в селе сами и желали бы этого своим детям, чаще тех, кто ориентирован на городскую жизнь, испытывают общность с жителями своего населенного пункта (32,6% против 18,9%), селянами (18,5% против 6,3%), людьми своего поколения (44,6% против 33,9%) и того же материального достатка (14,1% против 9,4%) и реже – с друзьями (52,2% против 74%) и коллегами (30,4% против 42,5%).

Степень идентификации с окружающими людьми определяется включенностью в сети повседневных взаимодействий. Социальные связи, доверие, взаимная поддержка и участие в общих делах составляют основу общественной жизни и позволяют участникам хозяйственно-экономической деятельности эффективнее взаимодействовать для достижения общих целей, выступая в качестве ресурсов как для лиц, участвующих во взаимодействии, так и для общества в целом. Устойчивые, взаимопользные контакты, оказываемые на неформальной основе, формируют сеть, являющуюся структурной основой разнообразных социальных процессов.

Под сетевыми взаимодействиями понимаются устойчивые неформальные контакты между домохозяйствами на родственной или дружественной основе в форме обмена ресурсами [5, с. 34]. Их главной особенностью является нерыночный, безвозмездный характер, а в основе лежат устные, не фиксируемые документально договоренности. Степень удовлетворения основных социальных потребностей индивида (семьи) посредством его взаимоотношений с другими членами общества объединяет понятие социальной поддержки. Система социальной поддержки включает материальную поддержку (получение и оказание финансовой, продуктовой, вещевой и любой другой материальной помощи), инструментальную поддержку (помощь по дому, ведению хозяйства, воспитанию и уходу за детьми, ремонту и т.д.), информационную поддержку (обмен информацией через социальные сети и различного рода неофициальное консульти-

рование), а также эмоциональную поддержку (сопереживание, взаимопонимание, сочувствие). Таким образом, индикаторами включенности в сети повседневных контактов и взаимопомощи выступают суждения респондентов об ощущении надежной поддержки и готовности помочь со стороны близких и коллег, о наличии надежных друзей, о том, как оценивается возможность общения с друзьями, о встречах и общении с друзьями как устойчивом компоненте досуга, о включенности в сети соседского и родственного общения, о характере и частоте получаемой помощи.

Количественный анализ отношений обмена в сети взаимодействий представляется довольно проблематичным, поскольку сетевые обмены не поддаются экономической логике, не являются инструментом максимизации прибыли их участников, им достаточно трудно подобрать какое-то материальное или денежное выражение. Каждый участвующий в таких обменах рубль или час трудовой помощи имеет свою, известную только участникам обмена, ценность. Внешне неэквивалентный обмен может быть абсолютно паритетным с точки зрения его участников. Кроме того, невозможность стоимостного измерения эмоциональных и информационных потоков исключает этот ресурс обмена из анализа. Но несмотря на то, что участники сетевых обменов в сельском социуме, как правило, не руководствуются соображениями экономической эффективности и выгоды, такие взаимодействия позволяют организовать мощный поток ресурсов, охватывающий, по оценкам исследователей, почти четверть общего бюджетного оборота семейного хозяйства сельских жителей [6].

Результаты исследования выявили высокую степень включенности сельчан в неформальные сети взаимной поддержки. На вопрос «Имеются ли в Вашем населенном пункте люди, к которым Вы всегда можете обратиться за помощью в трудную минуту, которым вы доверяете?», 70% опрошенных дали положительный ответ. В иерархии ресурсов, предоставление которых поддерживает сетевые взаимодействия, наиболее распространенными являются: помощь трудом, т.е. работа в хозяйстве, на участке, заготовка дров, строительные работы (55,9% оказывали такую помощь своим односельчанам за последние два года); денежная помощь займы или безвозмездно (40,1%), помощь продуктами, одеждой, вещами (34,2%), присмотр за детьми, уход за больными и престарелыми (23,8%), а также совет о том, где можно что-то купить дешевле или помощь в совершении покупки (26,4%). Неформальные институты поддержки, семейная и соседская взаимопомощь выступают своего рода механизмом выравнивания жизненных возможностей, выполняя функции социального капитала.

Анализ глубины и степени включенности в сетевые взаимодействия показал, что наиболее развитой сетью поддержки и взаимопомощи обладают представители высоресурсных групп – предприниматели, руководители и специалисты. О наличии нескольких надежных товарищей, которым они доверяют и которые помогут им в трудную минуту, заявила треть представителей всех выделенных групп, о четырех–шести – четверть руководителей, специалистов и предпринимателей, пятая часть рабочих и шестая часть пенсионеров и безработных. А вот наиболее многочисленную группу взаимной поддержки в своем населенном пункте (более 7 человек) имеют преимущественно предприниматели и фермеры (25,1%); среди руководителей и специалистов таких оказалось 15,1%, среди пенсионеров – 14,1%, среди интеллигенции – 13,4%, среди рабочих – 10,8%, среди безработных лишь 6,7%.

Принципом социального взаимодействия в социальных сетях и одной из основных закономерностей функционирования практик взаимопомощи является реципрокность обменов, взаимная конвертация социально значимых ресурсов. За получение предоставленных благ или услуг так или иначе необходимо расплачиваться в какой-либо эквивалентной форме («долг платежом красен»). Если в ближайшем окружении механизмом реализации принципа взаимности может выступать эмоционально-психологи-

ческая поддержка, то в отношениях с соседями и односельчанами преобладает ресурсный, а не личностный подход: они более рациональны, строятся целенаправленно, с учетом располагаемых сторонами ресурсов, а эмоциональная составляющая отходит на второй план. Поэтому обладание дополнительными ресурсами и преимуществами перед остальными, более высокий социальный и материальный статус позволяют рассчитывать на продуктивное и выгодное взаимодействие с односельчанами. Если у человека есть что предложить в обмен на помощь, он чувствует себя увереннее, так как сможет чем-то отблагодарить помощника. Результаты опроса свидетельствуют, что круг соседской и родственной поддержки шире среди сельчан, высоко оценивающих свое материальное положение. Достаток, наличие сельскохозяйственной техники, инвентаря, инструментов и т.п. выступают ресурсами для благодарности за оказанную помощь, что повышает возможности получения помощи со стороны односельчан.

Анализ данных показывает, что характер взаимоотношений с окружающими и степень включенности в социальные сети тесно связаны с социальным самочувствием: для людей с низкими показателями социального самочувствия, социального оптимизма и доверия характерен невысокий уровень социальной поддержки (в расчетах использовался обобщенный индекс социального самочувствия (Исс), по показателям степени защищенности от социальных опасностей, степени удовлетворенности своей жизнью в целом, степени социального оптимизма [7]). Позитивные и оптимистичные оценки социального самочувствия свойственны преимущественно респондентам, которые склонны оценивать взаимоотношения среди односельчан как дружеские; менее всего оптимистичных прогнозов у тех, кто характеризует взаимоотношения в селе как безразличные. Значение коэффициента оптимизма у тех, кто никому не доверяет в своем селе и не имеет возможности обратиться к односельчанам за помощью в трудную минуту, в 5 раз ниже, чем у респондентов, обладающих большим «кругом доверия». Для тех, кто отмечает, что соседи, знакомые всегда безвозмездно помогают друг другу, коэффициент оптимизма оказался в два раза выше, чем для указавших на отсутствие такой взаимопомощи в их населенном пункте. Таким образом, удовлетворенность материальным положением, социальный оптимизм и социальное самочувствие как интегральные характеристики собственного благополучия и включенность в сети повседневных социальных взаимодействий и взаимопомощи представляют собой систему взаимно обуславливающих показателей.

Готовность обратиться за помощью к тем или иным людям отражает уровень доверия им. Данные исследования свидетельствуют о том, что помощь, адресованная респондентам, исходит преимущественно от узкого круга людей, связанных с ними повседневным общением. В качестве адресантов сетевой поддержки в сельском сообществе с большим отрывом лидируют ближайшие родственники – родители, дети (68,2%). Помощь также оказывается со стороны других родственников (26,9%), а также соседей и односельчан, причем соседская взаимопомощь более распространена в селе (32,6%), чем в городе (28,6%). В выделенных по социальному положению группах адресанты сетевой поддержки распределены аналогичным образом. Однако для каждого десятого сельчанина, включенного в трудовой коллектив (руководителей, специалистов и рабочих), в круг оказания/получения помощи входят коллеги по работе. Оценка практик взаимопомощи связана с желанием продолжать жить в селе либо переехать в город. Среди тех, кто связывает свою дальнейшую судьбу, а также жизнь своих детей с селом, выше доля тех, кто рассчитывает на помощь односельчан, соседей, друзей (34,8%), а также коллег по работе (9,8%), чем среди ориентированных на переезд в город (25,5% и 3,1% соответственно). Стремление уехать снижает ориентацию на личные контакты и сетевые взаимодействия, увеличивая дистанцию между жителями села.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что повседневные практики взаимопомощи в сельском сообществе представляют собой достаточно мощный социальный ресурс неформальных связей и отношений, значимый для решения разнообразных жизненных проблем: улаживания повседневных бытовых вопросов, инструментальной, трудовой помощи, материальной поддержки, информационно-психологической взаимопомощи, удовлетворения потребностей в общении. Более 70% опрошенных являются участниками устойчивых неформальных контактов между домохозяйствами на родственной или дружественной основе в форме обмена ресурсами. Однако это характеризует практики взаимопомощи, функционирующие преимущественно в «коротких» связях – в среде родственников и друзей, и в меньшей степени – коллег и соседей. Несмотря на очевидные преимущества и выгоды такой межличностной взаимопомощи, неформальная кооперация и сотрудничество ограничиваются целями самообеспечения и не преобразуются в какие-либо значимые гражданские инициативы. С опорой на взаимопомощь окружающих «возможны лишь пассивное выживание, решение той или иной проблемы и даже относительное улучшение ситуации отдельного человека или его семьи, но невозможно коллективно ориентированное действие в целях подъема или улучшения позиций самой группы, класса, слоя, института в целом» [8, с. 47].

В этом отношении совокупность повседневных практик взаимных реципрокных обменов и взаимопомощи как калькулируемый баланс сетей взаимной поддержки в местном сообществе нельзя приравнивать к солидарности. Солидарность возникает там, где люди начинают объединяться, чтобы осуществить одинаковые интересы и цели. Тогда представители социальных групп, территориальных сообществ – это не просто люди, проживающие на одной территории или объединенные по какому-либо признаку (социальная, профессиональная принадлежность, наличие собственности и т.п.), а субъект активности, в том числе и управленческой. Для возникновения солидарности не обязательны личные контакты между представителями группы, поскольку в ее основе лежат надличностные предпочтения, моральное долженствование и принципиальная готовность помочь людям, находящимся в сходном положении [9, с. 5].

Кроме того, анализ социологических данных подтвердил положение о том, что жители села не представляют некоего однородного, монолитного социального образования. Развитие рыночных отношений, появление новых форм собственности обусловили переход от унификации к разнообразию сельской жизни. Проведенное исследование позволило зафиксировать различия в идентификационных предпочтениях, степени включенности в повседневные практики взаимной поддержки и характере сетевых взаимодействий для разных социальных групп сельского сообщества. Наиболее развитой сетью поддержки и взаимопомощи обладают представители высокоресурсных групп, а недостаточность человеческого капитала в любых его формах выступает мощным сдерживающим барьером для включения в социальные сети.

Тем не менее большая по сравнению с городом выраженность показателей территориальной общности и включенности в практики сетевых обменов и соседской взаимопомощи в сельском сообществе основана, прежде всего, на ощущении единства и высоком уровне доверия между проживающими на одной территории людьми и связанными долгосрочными отношениями. И в этом плане социальные сети взаимной поддержки, возникающие и поддерживаемые в повседневных взаимодействиях, выступают фактором социального капитала и первичной предпосылкой для формирования групповой и социальной солидарности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фишман, Л. Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция / Л. Г. Фишман // *Полития*. – 2016. – № 3. – С. 116–129.
2. Урсуленко, К. Социальная солидарность: развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации / К. Урсуленко // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2009. – № 1. – С. 138–157.
3. Скворцов, И. П. Солидаризм как перспектива развития социальной культуры России / И. П. Скворцов // *Культура и общество. Философия. Социология*. – 2014. – № 3 (54). – С. 37–40.
4. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // *Мир России*. – 1995. – № 3–4. – С. 158–181.
5. Барсукова, С. Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования / С. Ю. Барсукова // *Социол. исследования*. – 2005. – № 8. – С. 34–45.
6. Виноградский, В. Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств / В. Г. Виноградский // *Социол. журн*. – № 3–4. – 1999. – С. 39–52.
7. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М., МФРАН, 2010. – 135 с.
8. Гудков, Л. Д. Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин // *Мониторинг общественного мнения*. – 2003. – № 3 (65). – С. 33–52.
9. Барсукова, С. Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей / С. Ю. Барсукова // *Социол. исследования*. – 2002. – № 4. – С. 3–12.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2017

Kuzmenko T.V. Everyday Practices of Interaction as a Source of Solidarity in a Rural Community

Daily practice interactions are considered as a powerful social resource for solving life's problems and primary prerequisite for the formation of social solidarity in the rural community. The specific character of identity preferences, involvement in mutual support networks and trust of the main groups of rural communities, which differ in terms of the resources and the nature of involvement in social production (heads and specialists of agricultural enterprises, entrepreneurs and farmers, workers of agricultural enterprises, rural intellectuals, the unemployed, pensioners) are analyzed. It is revealed that the most extensive network of support and mutual assistance belongs to the groups with high level of resources, and that the failure of human capital acts as a restrictive barrier for inclusion in a social network. The connection of the involvement in social networks and the indicators of social well-being are proved.